

УДК 81'116

ББК 81.2–3

С.В. Гусаренко**ДЕФЕКТЫ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СТРУКТУР КАК ПРИЧИНА ВЫСОКОЙ ЭНТРОПИИ АКТУАЛЬНОГО ДИСКУРСА**

Предпринята попытка рассмотреть и наглядно проиллюстрировать семантические потери в ходе дискурсивной деятельности как результат энтропийных процессов, сопутствующих функционированию актуального дискурса, под которым здесь понимается совокупность когнитивно-семантических структур, представляющая собой ментальную репрезентацию фрагмента дискурса, пребывающего в состоянии когнитивной обработки.

Ключевые слова: *актуальный дискурс, когнитивные структуры, дефекты семантических структур, энтропийные процессы.*

Гусаренко Сергей Викторович — канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой межкультурной коммуникации Ставропольского государственного университета
Тел.: 8 (928) 318 58 53
E-mail: sgusarenko@mail.ru

© С.В. Гусаренко, 2009 г.

Как показало исследование семантических потерь в когнитивно-семантических структурах в ментальных репрезентациях дискурса [Дейк, Кинч, 1988, с. 153–211; Джонсон-Лэрд, 1988, 148–149], причиной высокой энтропии актуального дискурса выступают взаимосвязанные между собой дефекты его семантических структур. Под дефектом актуального дискурса мы будем понимать семантическую или семантико-прагматическую недостаточность какой-либо из составляющих его структур, которая ведет к его семантической рассредоточенности, невозможности его полноценного функционирования и, как следствие, к семантическим потерям при когнитивной обработке речевого произведения, т.е. к энтропии актуального дискурса [Гусаренко, 2006, с. 107–110].

Очевидно, что энтропийные процессы при когнитивной обработке связного текста выступают как следствие обработки тех его компонентов, которые вызывают сбои в процессах формирования и функционирования актуального дискурса. Так, пресуппозиционный дефект препятствует осуществлению референциального акта, и актуальный дискурс теряет возможность быть соотносенным с соответствующим фрагментом действительности; т.е. пропозициональная репрезентация дискурса [Джонсон-Лэрд, 1988, с. 235] оказывается семантически неопределенной и в этом смысле не приобретает коммуникативной значимости и трактуется как бес-

полезное в смысловом отношении структурно-семантическое образование. Как нам представляется, структура актуального дискурса, так и не обретшая семантико-прагматической завершенности, выступает как его деструктурирующий фактор, который и обуславливает энтропию актуального дискурса.

В представленном ниже фрагменте наблюдаются формально-прагматический, собственно прагматический и пресуппозиционный дефекты, обусловленные недостаточностью прагматических пресуппозиций [Столнейкер, 1985, с. 427–428], а именно знания учебного материала, которую говорящий пытается компенсировать при общении неудачно выбранной речевой стратегией, которая в свою очередь является фактором, порождающим энтропию.

– (1) *«Слово о полку Игореве» — это великолепное произведение, — начал студент.* — (2) *Это... шедевр...* (3) *Относится к концу двенадцатого века...* (5) *кхэ...* (6) *Автор выразил здесь чаяния...*

...

– ... (7) *Князья были разобщены, и...* (8) *В общем, Русь была разобщена, и когда половцы напали на Русь...* — *Студент закусил губу, нахмурился: должно быть, сам понимал, что рассказывает неинтересно, плохо. Он покраснел.*

(В. Шукшин. Экзамен)

Прежде всего отметим, что говорящий здесь осознает семантико-прагматическую недостаточность своих высказываний, и это осознание проявляется по-разному, что отражено в метакомментарии автора-повествователя [Вержбицка, 1978, с. 406], но тем не менее он продолжает говорить, поскольку находится на экзамене и знает, что для получения положительной оценки здесь следует говорить, причем тема дискурса задана билетом.

Энтропийные явления наблюдаются с самого начала монолога персонажа. Так, при когнитивной обработке высказывания (1) *«Слово о полку Игореве» — это великолепное произведение* производный от него актуальный дискурс, при том что пропозициональный и референциальный акты [Остин, 1986, с. 115] в нем осуществляются без отклонений, имеет явно выраженный формально-прагматический дефект. Отсутствие восклицательного знака в письменной передаче высказывания (1) сигнализирует о том, что оно произносилось с невосклицательной интонацией, т.е. обыденным тоном, между тем оно содержит определенно выраженную эмоциональную оценку, и таким образом, формальная структура здесь находится в противоречии с семантикой, что порождает семантико-прагматическую неопределенность актуального дискурса при когнитивной обработке высказывания (1). Кроме того, такая семантико-прагматическая неопределенность неизбежно квалифицируется опытным адресатом (экзаменатором в нашем случае) как следствие неудачной

попытки применения сомнительной речевой стратегии с целью ввести его, адресата, в заблуждение, поскольку пропозиция актуального дискурса здесь находится в определенном противоречии с одной из его прагматических пресуппозиций (собственно прагматический дефект), которую можно представить следующим образом: *Чтобы получить положительную оценку на экзамене, необходимо говорить по существу дела*, между тем как речь студента начинается с откровенной банальности. Энтропия актуального дискурса в этом случае выступает как резко отрицательное явление, обусловленное интеллектуальными качествами и когнитивным состоянием говорящего и с самого начала задающее отрицательную оценку говорящего адресатом.

Еще бóльшей энтропией характеризуется актуальный дискурс, образующийся при когнитивной обработке высказывания (2) *Это... шедевр...* Во-первых, многоточие после первого слова и в конце предложения в письменной передаче высказывания сигнализируют о том, что оно подвержено интонационно-ритмической незавершенности, которая сама по себе является энтропийным фактором, поскольку замедляет осуществление референциального и пропозиционального актов в актуальном дискурсе. Во-вторых, актуальный дискурс высказывания (2) имеет существенный собственно прагматический дефект, так как в выстраиваемой макропропозиции [Дейк, 1989, с. 68–70] вслед за пропозицией актуального дискурса (1) пропозиция актуального дискурса (2) выступает как семантико-прагматический плеоназм, прагматически неопределенный компонент, который представляет собой семантический повтор, совершенно неуместный в данной ситуации общения.

Актуальный дискурс, формирующийся при обработке высказывания (7) *Князья были разобщены, и...*, содержит пропозициональный дефект, проявляющийся в его незавершенности, если точнее — в отсутствии пропозиции, которая в поверхностной репрезентации прогнозируется интонационно и союзом *и*.

Актуальный дискурс (8) высказывания *В общем, Русь была разобщена, и когда половцы напали на Русь...* характеризуется сразу несколькими существенными нарушениями, порождающими высокую энтропию. Прежде всего следует сказать о формально-прагматическом дефекте, являющемся следствием применения вводной конструкции *в общем*. При адекватном применении этой вводной конструкции говорящий сообщает о том, что вслед за ней следует высказывание, содержащее некий вывод-обобщение как результат когнитивной обработки предшествующего дискурса, либо же вводный компонент *в общем* применяется говорящим для того, чтобы его посредством дать понять адресату, что далее последует завершающее высказывание определенного дискурсивного образования, являющееся его главным семантико-прагматическим компонентом. Высказывание (8) не выступает ни как вывод-обобщение, поскольку еще

ничего значимого не было, в сущности, сказано, ни как завершающий компонент монолога, поскольку монолог еще не состоялся. Таким образом, изначально, с первого момента актуальный дискурс (8) формировался как дефективный в формально-прагматическом отношении, что, несомненно, отмечалось обоими коммуникантами, о чем и сообщается в так называемых словах автора. Как формально-прагматический дефект можно рассматривать также тот факт, что вводная конструкция *в общем* стилистически чужда научному дискурсу. Кроме всего прочего, актуальный дискурс (8) отмечен также пропозициональной незавершенностью, т.е. содержит пропозициональный дефект, который лишает семантико-прагматической значимости пропозицию *Половцы напали на Русь* придаточного предложения времени.

Почти каждое из образований актуального дискурса по причине присутствия в них отмеченных выше дефектов подвержено энтропии, которая становится причиной общей смысловой рассредоточенности рассмотренного нами неудавшегося монолога и, как следствие, причиной затруднений в коммуникации (наряду с незнанием говорящим предмета своего сообщения).

Причиной высокой энтропии дискурса может стать также разность прагматических пресуппозиций коммуникантов, вызванная тем, что один из собеседников не учитывает фоновые знания адресата. Довольно распространенное явление этого порядка описано у Джерома К. Джерома в рассказе «Сюрприз мистера Милберри»:

“(1) It’s not the sort of thing to tell’em,” remarked Henry, as, with his napkin over his arm, he leant against one of the pillars of the verandah, and sipped the glass of Burgundy I had poured out for him; “(2) and they wouldn’t believe it if you did tell ’em, not one of ’em. (3) But it’s the truth, for all that. (4) Without the clothes they couldn’t do it.”

“Who wouldn’t believe what?” I asked. He had a curious habit, had Henry, of commenting aloud upon his own unspoken thoughts, thereby bestowing upon his conversation much of the quality of the double acrostic. We had been discussing the question whether sardines served their purpose better as a hors d’oeuvre or as a savoury; and I found myself wondering...

(Jerom K. Jerom. The surprise of Mr. Milberry)

В первом же высказывании персонажа *It’s not the sort of thing to tell’em*, которым открывается рассказ, содержится несколько компонентов, которые при когнитивной обработке этого высказывания становятся причиной семантической недостаточности актуального дискурса.

Прежде всего не подлежит адекватной интерпретации само отрицание, поскольку ему не предшествует ничего, что отрицалось бы, т.е. в данном случае мы имеем дело с логическим и пресуппозициональным дефектами. Даже если рассматривать это высказывание с отрицанием как особую коммуникативную стратегию, нечто вроде дискуссии с воображаемым

оппонентом, все равно — дальнейший дискурс не проясняет, что, собственно, отрицается.

Далее следует именная группа *the sort of thing*, референция которой не проясняется при когнитивной обработке высказывания *It's not the sort of thing to tell'em*, и, как следствие, в актуальном дискурсе не осуществляется референциальный акт, который соотнес бы пропозицию высказывания с описываемым ею фрагментом внеязыковой действительности. Очевидно, что именная группа *the sort of thing* указывает на тему разговора, о чем свидетельствует глагол *to tell*, объектом которого выступает именная группа *the sort of thing*. В монологе персонажа отсутствует значимый фрагмент, в котором должна была бы располагаться именная группа (или имя), кореферентная именной группе *the sort of thing*, т.е. в ходе когнитивной обработки высказывания *It's not the sort of thing to tell'em* актуальный дискурс не может быть сформирован полностью, в нем не осуществится референциальный акт с участием компонента *the sort of thing* из-за отсутствия соответствующей дискурсивной пресуппозиции, т.е. наблюдается референциальный дефект.

Энтропия актуального дискурса в данном случае обусловлена также тем, что не имеет кореферентного имени местоимение *them*, которое призвано указывать на предполагаемых собеседников, которым не рекомендует говорить (*to tell*) нечто персонаж в высказывании (1). Здесь тот же референциальный дефект, что и в случае с именной группой *the sort of thing* — отсутствует дискурсивная пресуппозиция, необходимая для осуществления референциального акта.

Актуальный дискурс, образующийся при когнитивной обработке высказывания (2) *and they wouldn't believe it if you did tell 'em, not one of 'em*, помимо референциального дефекта — отсутствуют кореферентные имена местоимениям *them* и *they*, — отмечен также пропозициональным дефектом, который еще более увеличивает энтропию актуального дискурса (2). В высказывании (2) у глагола *tell* отсутствует прямое дополнение, т.е. здесь имеет место незамещенная семантико-синтаксическая позиция, что придает актуальному дискурсу семантическую неопределенность: пропозиция *you tell them* представляется семантически недостаточной, чтобы хотя бы с минимальной полнотой описывать какое-либо положение вещей во внеязыковой действительности. Дополнение *it* глагола *believe* в высказывании (2) не имеет референта, т.е. и в этом случае имеет место референциальный дефект, что обуславливает семантическую недостаточность пропозиции высказывания *they wouldn't believe it*, порождает пропозициональный дефект и, как следствие, семантическую неопределенность актуального дискурса и его высокую энтропию.

Далее по пути увеличения энтропии следует актуальный дискурс высказывания (3) *But it's the truth*, поскольку *it* здесь, по-видимому, имеет кореферентом, по замыслу говорящего, не что иное, как то, что предпола-

галось сказать им (*to tell'em*) и во что они не поверят (*they wouldn't believe it*) и чего нет в предшествующем дискурсе. Иными словами, референциальный дефект здесь стал следствием пресуппозиционного дефекта: говорящий предполагал, что адресат имеет соответствующие дискурсивные пресуппозиции, т.е. знает, что подразумевается под *it*.

Актуальный дискурс, образующийся при когнитивной обработке высказывания (4) *Without the clothes they couldn't do it*, также имеет референциальный дефект: не имеют кореферентов в предшествующем дискурсе анафорические компоненты *they* и *it*, что обусловлено пресуппозиционным дефектом, как об этом говорилось выше.

Результатом энтропии актуального дискурса при когнитивной обработке высказываний персонажа стало непонимание темы (предмета) разговора адресатом, о чем свидетельствует его ответная реплика, представляющая собой вопрос *Who wouldn't believe what?*, заданный с целью прояснить референцию анафорических компонентов, не имеющих кореферентов, которые позволили бы соотнести высказывание с внеязыковой действительностью. В дальнейшем нарративе разъясняется причина непонимания между собеседниками.

В свете всего сказанного становится очевидным, что актуальный дискурс должен обладать качествами, противостоящими энтропийным процессам, и эти качества находят свое материальное выражение в знаковой структуре текста. При этом очевидно также, что, во-первых, в качестве основного антиэнтропийного средства выступают сами семантические структуры и семантические действия, формирующие структуру актуального дискурса; во-вторых, определенный набор семантических структур и семантических действий в актуальном дискурсе должен иметь стабильный характер; во всяком случае, существует предел их минимального количества; и в-третьих: разрушение, распад именно семантических структур актуального дискурса (см. ниже об экспериментах) приводит к энтропийным явлениям. Опыт также показывает, что существуют специальные средства противодействия энтропии, которые применяются на прагматическое усмотрение автора.

Литература

1. Вержбицка А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8: Лингвистика текста. М., 1978.
2. Гусаренко С.В. Семантические потери в актуальном дискурсе как следствие энтропийных процессов // Вестн. Ставроп. гос. ун-та. 2006. № 45.
3. Дейк Т.А., ван. Эпизодические модели в обработке дискурса // Язык. Понимание. Коммуникация: сб. работ. М., 1989.
4. Дейк Т.А., ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М., 1988.

5. *Джонсон-Лэрд Ф.* Ментальные модели // Когнитивные исследования в языковедении и зарубежной психологии. Барнаул, 2001.
6. *Джонсон-Лэрд Ф.* Процедурная семантика и психология значения// Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. Вып. XXIII. М., 1988.
7. *Остин Дж.* Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов: Вып. XVII. М., 1986.
8. *Столнейкер Р.С.* Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М, 1985.